

ПОЗДНИЙ КАПИТАЛИЗМ И СВОЕВРЕМЕННЫЙ МАРКСИЗМ (предисловие редактора)

«Сегодня более чем когда бы то ни было необходимо помнить о том, что коммунизм начинается с “публичного использования разума”, с мышления, с эгалитарной универсальности мысли».

Славой Жижек¹

Критическая традиция марксизма весьма чутко откликнулась на текущий мировой экономический кризис, «революции» на Ближнем Востоке, протестные движения в Европе и Латинской Америке, а также рост популярности праворадикальной риторики от Норвегии до Греции и от России до Великобритании. Экономические вызовы, влекущие болезненные социальные последствия, ощутимые, в том числе, и в развитых странах, в последние годы пробуждают массовый интерес к наследию Маркса и приводят к появлению множества специальных и популярных работ, истолковывающих, почему «Маркс был прав», или, как в случае книги Славоя Жижека *Год невозможного. Искусство мечтать опасно* (2012), то, в чём Маркс отчасти был не прав. Марксизм осмысляет свои основания, соотносит свой эвристический, критический и утопический потенциал с новыми и разнообразными обликами Капитала. Так, например, Жижек приходит к формулировке радикального вопроса о том, можем ли мы всё ещё доверять эволюционному историзму Маркса, который не замечает внутренне присущей капитализму «структурной несбалансированности», «антагонизма сил и отношений», толкающих «капитализм к само-революционированию и само-расширению»².

Продолжаются попытки, в духе труда Люка Болтански и Эва Кьяпелло *Новый дух капитализма*³, найти новые языки описания для облика современного капитализма (который, как предполагается, если не фундаментальным образом отличается от системы, описанной в *Капитале* Маркса, то, по крайней мере, уже не может быть схвачен исключительно матрицей прежних, классических Марксовых категорий и постулатов). Перед исследователями, ассоциирующими себя с традицией марксизма, встаёт необходимость намечать новые способы критики глобального капитала, поскольку старые стратегии не только во многом изжили себя уже к концу 1970-х, но и внесли заметный вклад в мимикрию капиталистиче-

¹ Жижек С. *Год невозможного. Искусство мечтать опасно*. М.: «Европа», 2012. С. 22.

² Там же, с. 27

³ Boltanski L., Chiapello E. *Le nouvel esprit du capitalisme*. Paris: Gallimard, 1999, рус. перев.: Болтански Л., Кьяпелло Э. *Новый дух капитализма*. М.: НЛО, 2011.

ской системы, которая, апроприировав критику и предприняв сообразно ей ряд «косметических» преобразований, подорвала её революционный потенциал и низвела до своей неотъемлемой части.

В постсоветском пространстве реалии позднего капитализма приобрели своеобразные формы (олигархического капитализма в случае России или авторитарного госкапитализма, неубедительно, но упорно маскирующегося под «социальное государство» с социалистическим уклоном, в случае Беларуси), в отношении которых в 1990-е годы выхолостившийся «советский» марксизм оказался беспомощным. Сегодня период усталости от марксизма постепенно сменяется появлением внутри философского и социального знания новых импульсов к пересмотру эвристичности марксизма, в том числе – и для анализа политических систем постсоветских стран («новых демократий», по-разному выстраивающих модель взаимодействия с глобальным капиталом), формирования элит, политических субъектов, форм существования социально-политического и художественного активизма и т. д. Особенно остро встаёт вопрос о необходимости реинтерпретации советского опыта, который трактуется весьма противоречиво и неизбежным образом оценивается в очень широком диапазоне – от характеристики СССР как извращённо понятого и неуспешно реализованного утопического проекта социализма до принятия Советского Союза как вполне продуктивной модели современного общества.

Первоначально одной из главных задач данного номера, который выходит под названием «Марксизм в эпоху позднего капитализма»⁴, виделась попытка обозначения и осмысления того места, которое марксизм занимает сегодня в интеллектуальном пространстве постсоветских стран. В процессе работы над номером этот фокус, связанный с рефлексивным отношением самой философской традиции марксизма к собственным трансформациям в последние десятилетия, сместился к вопросам, связывающим воедино и самые актуальные события, формирующие левую повестку дня последних лет, и фундаментальные проблемы диалектического материализма и левой критики как таковых.

В номере присутствуют как материалы обзорного свойства, представляющие собой подробнейший экскурс в историю левой идеи и движения (например, перевод одной из глав книги Статиса Кувелакиса *Кризис марксизма и трансформация капитализма*, выполненный Владиславом Софроновым и снабжённый его же ёмким и содержательным предисловием), так и тексты, вновь ставящие вопрос о том, «почему проще представить конец света, чем конец капитализма», и дающие на этот вопрос ответы. Так, например, два текста Жан-Люка Нанси (интервью, данное им во время фестиваля

⁴ Мне хотелось бы поблагодарить за помощь в работе над номером Стефанию Калиновскую, которая сверила и отредактировала переводы текстов Жан-Люка Нанси, а также Ольгу Оришеву и Андрея Горных, внесших большой вклад в разработку редакцией первоначальной концепции номера.

в Авиньоне (2007) Николя Трюону, и статья *Наименее совместное совместное*) посвящены формам, в которых возможна «совместность», отличная от механической социальности современных капиталистических обществ.

Нанси спрашивает: можем ли мы помыслить коммуну, коммунизм после всех неудач проекта, носившего такое название в XX веке? Его ответ заставляет формулировать новые вопросы, касающиеся выявления новых субъектов политического и эстетического производства и их сообществ, и в то же время подкрепляет уверенность в том, что вполне классическая по духу марксистская критика отчуждения, овеществления, эксплуатации, идеологии всё ещё актуальна и в современных реалиях нематериального труда, «общества знания», социальных сетей. И чем более «элементарными», близкими к экзистенции индивида будут её категории (даже хайдеггеровское «бытие-вместе» у Нанси трактуется в ключе, близком марксизму), тем больший революционный потенциал эта критика может приобрести.

Проблема политического субъекта и конкретных стратегий сопротивления капиталистическим формам эксплуатации нашла своё отражение сразу в двух материалах номера – статье Олега Горяинова *Бартлби как символ сопротивления: к проблеме определения политического субъекта* и рецензии Татьяны Чижовой на книгу Паоло Вирно *Грамматика множества*. Олег Горяинов предпринимает попытку реконструкции способов отказа индивида от сотрудничества с порабощающей его системой, детально анализируя их на примере повести Мелвилла о писце Бартлби. Татьяна Чижова же критикует как категорию «множества», предложенную Вирно для обозначения нового политического субъекта, так и указанные автором способы борьбы против эксплуатации в эпоху постфордизма. Автор рецензии также напоминает о том, что хотя в странах «первого» мира после Второй мировой войны производственный процесс трансформировался до неузнаваемости, во множестве уголков мира уровень развития производительных сил, производственных отношений и условия труда могут практически не отличаться от описанных в классической работе Энгельса *Положение английского рабочего класса в Англии*, и потому «старый добрый» классический марксизм применим здесь в гораздо большей степени, чем его постверсии.

В целом следует отметить, что блок рецензий в номере имеет отнюдь не формальный или декоративный характер. Помимо уже упоминавшейся рецензии Татьяны Чижовой на *Грамматику множества* Вирно, в которой скрупулёзно анализируется эта его уже ставшая популярной среди постсоветской левой публики работа, большой интерес представляют и обзор проблемы соотношения эстетического и политического в работах Жака Раньсера, выполненный Екатериной Рускевич, и рецензия Алексея Борисёнка на книгу Геральда Раунига *Искусство и революция. Художественный активизм в долгом двадцатом веке*.

Статья Олега Лейбовича *Диалектическая концепция социализма Захара Файнбурга*, пожалуй, стоит в номере несколько особняком: речь в ней идёт о фигуре, не слишком известной даже в контексте советского марксизма, социологе и марксисте из Перми Захаре Файнбурге. И в то же время в траектории научного поиска Файнбурга, подробно и ярко описанного в статье, просматривается путь, который прошли очень многие не вписавшиеся в «догматическую» версию советского диамата мыслителя. Невостребованность и непризнанность научным сообществом трудов пермского марксиста в стране, где марксизм стал государственной идеологией, исследователя, приходящего к тем же проблемам, что и Адорно, Беньямин или Ильенков, – это одновременно и выразительный портрет системы, отвергшей его.

Если говорить о каком-то внутреннем напряжении номера, переключке между текстами, вошедшими в него, то здесь можно обозначить важный для самого капитализма парадокс экзистенциального свойства – парадокс «счастья» и «тревоги» как эффектов эквивалентного денежного обмена в рамках глобальной капиталистической системы. Так, Жан-Люк Нанси в тексте *Наименее совместное совместное* отмечает, что категория «счастья» – это отнюдь не то, чем можно обладать «совместно», сообщая, в коммуне, поскольку в том, как мы сегодня понимаем «счастье», слишком много коннотаций, связанных с индивидуальным благополучием, не разделённым с другим, отделяющим человека от других, которые не владеют совместно с ним неким пакетом ресурсов, необходимых для «счастья».

Нам проще помыслить конец света, чем конец капитализма, потому что мы хотим быть «счастливыми», хотя бы в той мере, в какой такую возможность нам представляет система, и не готовы помыслить мир вне категории счастья. В то же время за эту иллюзию, обслуживаемую громадной машиной культуры потребления, индивиду приходится расплачиваться «кризисом желания» (понятого в лаканианском смысле), погружением в базовый аффект постмодерного общества – тревогу, которая кажется беспричинной и безобъектной. Эта тревога замещает «высокую» тревогу модерна, распыляет её продуктивный импульс, ориентирующий индивида в плоскости желания (Блага) и придающий динамику его отношениям с миром других. Что приводит к нормализации инфантильных нарциссически-агрессивных реакций и «фотографическим» фиксациям в отношении частных благ. Исследуя эту проблему в статье *Капитализм и тревога*, Андрей Горных задаёт вектор всего номера, описывая сложные и многоуровневые механизмы опосредования между экономической системой и индивидуальной психикой. Для этого осуществляется тот синтез марксистского и психоаналитического инструментариев, который позволяет обозначить уровень либидинальной микрофизики капитала.

В целом поздний капитализм характеризуется тотализацией логики капитала, осуществляющего экспансию как на глобальном

уровне экономики и культуры, так и на микроуровне социальной жизни, встраивающегося в бессознательные механизмы. Отнюдь не случайным в этом контексте является сквозная психоаналитическая тема. Материалы номера демонстрируют, что психоанализ является не просто одним из параллельных марксизму теоретических течений – сама конвергенция критической и психоаналитической мысли указывает на специфику позднего капитализма.

Психоанализ, как и политэкономия Маркса, депсихологизирует механику работы капитала, в т. ч. и в области социальных связей, эмоциональной культуры индивидов. Он вскрывает системные эффекты капитализма, обнаруживающие себя на самых разнообразных уровнях общественных отношений, политического и индивидуального бессознательного. В статье А. Горных во всех нюансах прослеживается сложная сеть опосредований экономического, социального и индивидуального, в которых зарождается тревога как базовый экзистенциальный модус современности. Потому она представляет особый интерес не только в содержательном, но и в методологическом плане, являясь отличным примером синтеза лакановского психоанализа и марксистской критики, схваченных рамкой джеймисоновского императива «историзации».

Симбиоз марксизма и психоанализа явился важным вопросом для многих текстов номера. Так, в статье Виктории Константюк *Медиация: методологическая актуальность психоаналитически-(пост)марксистского синтеза в понимании медиа* делается попытка очертить методологические принципы «психомарксизма». Автор статьи обращается к понятию «медиация», ключевому в анализе и психического аппарата, и сфер экономики и культуры, и, безусловно, взаимодействий между ними.

Для Галины Русецкой (статья *Творение ex nihilo и дисгармония как условия возможности общества*) психоанализ, как и марксизм, выступает в качестве инструмента, способного к деконструкции дискурса о гармонии как структурирующей силе общества, дискурса, обслуживающего современные «демократии».

Все эти статьи по-разному формулируют вопрос о связи марксизма с судьбами философии и социального знания. То единодушие, с которым авторы номера обращаются к психоанализу и марксизму как взаимодополняющим методологиям, позволяет предположить, что, вероятно, именно в этой плоскости следует искать путь для преодоления кризиса философии, её неуклонного вытеснения из политической, публичной сферы, пространства университета. Вооружившись таким критическим арсеналом, философия могла бы вернуть себе способность воссоздавать солидарность в разнообразных формах (от самых базовых до сложных политических) посредством того, что Кант обозначал в терминах «публичного использования разума», и не только объяснять, но и изменять мир.

Лидия Михеева